

Леонид БРОНЕВОЙ:

Известия. — 2000. — 3 февр. — с. 10

С любовью к цензуре

Алексей ФИЛИПОВ

В Театре на Малой Бронной я был занят в «Ромео и Джульетте» в постановке Эфроса. Когда спектакль сдавался управлению культуры, такую мелкую сошку, как актеров, на обсуждение не пригласили. Для постановщика исключение сделали — Эфрос вышел с обсуждения бледный как снег и сказал, что спектакль не разрешили.

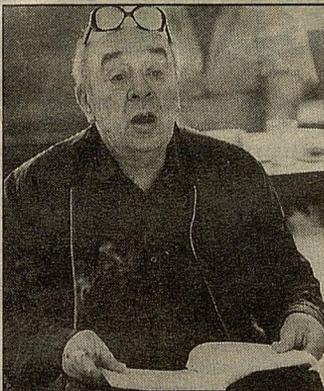
— Как? В чем дело?

— Дело в одной из фраз Броневой.

Я сказал, что фраза не моя, а Шекспира — да еще и в переводе Пастернака. Эфрос ответил, что это уже значения не имеет.

Злополучная фраза звучала так: «И будете свидетелем веселья, подобного разливу вод в апреле». Члены комиссии решили, что это издевательство над днем рождения Владимира Ильича Ленина.

Зачем апрель?! Безобразие! Запретить!.. И тут я спас «Ромео и Джульетту»: я сказал Эфросу, что придумаю лучшую рифму, чем у Пастернака. «И будете свидетелем веселья, подобного разливу вод весенних...» — с этой фразой мы и играли спектакль.

АЛЕКСЕЙ БЕЛЯВЧЕВ

«Женитьбу» мы сдавали несколько раз. Чиновники придирались к открывавшему спектакль церковному колокольному звону. Эфрос отвечал, что все дело в несостоявшейся женитьбе, которая мерещится невесте, — если бы она состоялась, то в церкви бы звонили колокола... Но это плохо помогало, сражаться пришлось долго. А изумительный эфросовский спектакль «Три сестры» был запрещен — тут зацепиться за фразу было невозможно, и главное управление культуры устроило просмотр для именитых артистов Художественного театра. Корифеи МХАТа

пришли и сказали, что это издевательство над русской классикой: министр культуры Екатерина Алексеевна Фурцева задушила спектакль их руками.

Во время моей долгой и достаточно мучительной периферийной одиссеи цензура нанесла мне существенный материальный урон. 1956 год, столица Чечено-Ингушетии город Грозный, я работаю в Драматическом театре имени Лермонтова — русская и чеченская труппа мирно делят и сцену, и репетиционные площадки. В пьесе Николая Погодина «Кремлевские куранты» я играю роль Сталина: при моем появлении раздается гром оваций, все встают, и в зале звучит звук артиллерийского салюта. Откидывающиеся сиденья были деревянными, и когда я первый раз вышел в этой роли, то чуть не упал от внезапно раздавшегося слитного грохота. Мне аплодировали минут десять, и я не мог начать: постановщик спектакля сказал, что Броневой представлен к Сталинской премии. Сто тридцать тысяч рублей — для нищего актера это была гигантская сумма! Я играл и ждал ее как манны небесной.

На тридцатом спектакле я вышел на сцену при полной тиши-

не. Я посмотрел в зал — может быть, никто не пришел? — но он был полон. Я посмотрел на себя — может быть, у Сталина расстегнулась ширинка? — но мои брюки были в порядке. Может быть, плох грим?.. Я провел сцену и в недоумении вернулся в гримборную. В нее вошел режиссер, и я засыпал его вопросами: что случилось? Оказывается, на съезде партии было зачитано письмо о преступлениях Сталина — город об этом еще не знал, но в тот день мы давали целевой спектакль для работников КГБ, которым все было отлично известно.

Я сказал режиссеру, что в таких случаях артиста надо предупредить — так же можно и кондрашка хватить... Вот так моя Сталинская премия и накрылась.

На следующий день тоже шли «Кремлевские куранты»: сталинский грим мне делать не стали, зато нацепили на нос пенсне и дали в руки папку. Вместо «Попросите Иосифа Виссарионовича сюда зайти» Ленин сказал: «Попросите зайти референта» — и я вышел на сцену с тем же текстом, но уже в пенсне и затрапезном кителе.

Больше на «Кремлевских курантах» мне не аплодировали.